

**В серии «Другие Миры»
вышли книги:**

Ника Ветрова

Университет вредной магии. Пособие по выживанию

Галина Гончарова

Против лома нет вампира
Не сотвори себе вампира

Ольга Куно

Горький ветер свободы
Черно-белая палитра

Вероника Мелан

Ассасин
Дэлл

Ирина Котова

Королевская кровь. Сорванный венец
Королевская кровь. Скрытое пламя

Ольга Гусейнова

Когда нет выбора
Сумеречный мир

Ольга Хусаинова

Академия Зла. Испытание ведьмой

Нина Бархат, Марина Багирова

Присвоенная

Лесса Каури

Золушки из трактира на площади

Жанна Лебедева

Сиреневый черный. Гнев единорога

Алиса Дорн

Институт моих кошмаров. Здесь водятся драконы

Таис Сотер

Факультет прикладной магии. Простые вещи

Кира Стрельникова

Своенравный подарок

Дарья Кузнецова

Модус вивенди

Ольга Романовская

Песочные часы

**Ольга
Романовская**

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке
Станислава Дудина

Романовская, Ольга.

Р69 Песочные часы : [роман] / Ольга Романовская. —
Москва : Издательство АСТ, 2016. — 416 с. — (Другие
Мирь).

ISBN 978-5-17-096400-0

Человеческие судьбы — как песчинки в песочных часах.

Сегодня ты — обычная семнадцатилетняя школьница, любимица родителей, без пяти минут жена. Завтра твоя песчинка-жизнь упадет, родное княжество завоюют, и ты превратишься в рабыню, лишишься даже имени.

Отныне Иалей Шартан больше не человек — вещь, у которой не может быть мыслей, чувств и желаний. Единственное ее предназначение — улаживать господина. Многие смиряются, но не Иалей. Она отчаянно борется за свободу, пытаясь сохранить частичку себя, но...

... Но время идет, песчинки в песочных часах сыплются, и однажды все может измениться.

ISBN 978-5-17-096400-0

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© О. Романовская, 2016
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2016

*Лишившись возможности выбора,
человек перестает быть человеком.*

**Э. Берджесс.
Заводной апельсин**

Пролог

Он сел на кровать и похлопал рукой по простыне. Покорно подошла, разделась и легла, как делала много раз. О чем думала в подобные моменты? О разном. Сейчас, к примеру, ни о чем: устала, намаялась с уборкой. В библиотеке столько книг, нужно каждую вытереть от пыли, обработать специальным составом и убрать на место.

Хозяин любил аккуратно, мне вообще повезло с ним. У других рабынь все тело в синяках, они страшатся ночи. Вернее, того, что она несет: боли, унижения, стыда и крови. Мой никогда не насиловал с животной страстью. Он умел чувствовать и, видя, что совсем не хочу, мог и вовсе оставить спать в одиночестве. Но я все равно не любила его, хотя и уважала, и ценила заботу. Привыкнуть — привыкла. Насколько смогла. И смирилась. Говорят, собака тоже привыкает... Что поделаешь, если выхода нет, а хозяин хороший. Но все равно хозяин, и никакие ласки не заставят забыть об ошейнике.

Для мужчины, наверное, оскорбление, когда женщина под ним дремлет, но я так устала... Да и хозяин сразу воспротивился попыткам изображать неземное блаженство. Когда-то боялась, что высекут, если не стану притворяться. Так вот, он сказал: «Никогда не лги. Хочу знать, что ты всегда со мной честна». И я старалась.

Разумеется, за провинности хозяин наказывал, но за вранье карали куда страшнее. Видела, что стало с чужой молоденькой торхой, которая, пытаясь скрыть оплошность, запуталась в паутине лжи. Мухи покрывали ее, иссеченную крученой плетью. Она провисела так до заката, а потом бедняжку увезли. Куда, лучше

не думать. Хозяин показал в качестве назидания и не остановил владельца бедняжки, который отдал приказ о жестоком наказании.

Странно, но в этот раз вышло терпимо. Наверное, спальня пропиталась частичками кристаллов озиза. Они благотворно сказывались на мужском и женском влечении. Осторожно скосила глаза: так и есть, два светящихся кристалла и курильница, источающая едва уловимый терпкий аромат. Интересно, много хозяев так же заботятся о своих торхах?

В том, что озиз для меня, не сомневалась. Хозяин прекрасно обходился без него, вот и теперь не ленился. Чувствую, опять разболются мышцы. Хозяин не женат, тратит весь запас мужских сил на меня и любовницу из норнов. Мы с ней такие разные, как ему могут нравиться обе? А ведь я хозяйину нравилась, он хотел сделать приятно.

Закончив, хозяин не отослал, а притянул к себе. Привычно сжалась в комочек, уткнувшись головой ему в бок. Такое случалось нечасто, обычно я ночевала у себя, но сейчас зима, а в моей комнатушке без окон так холодно. Все-таки повезло мне: засыпаю в постели благородного норна, будто равная, ощущая теплую тяжесть мужской руки. В такие минуты я проникалась к хозяину особым чувством, на время забывая, кто я и как сюда попала три года назад. Целых три года, которые казались вечностью.

Первые три года в Арарге

Наверное, следует начать по порядку.

Меня зовут Иалей Шартан, родом я из Кевара — небольшого княжества, зажато между горами и руслом Старвета. Среди нас много полукровок — потомков смешанных браков с альвами, которые некогда населяли леса по берегам Старвета, а потом неожиданно исчезли. Князь тоже из их числа. У него пепельно-русые волосы и пронзительные голубые глаза. Были когда-то, теперь от них не осталось и следа.

Во мне от далеких предков только оттенок кожи — молочно-белый — и рост выше среднего. По преданиям, альвы рождались высокими, намного выше предков кеварийцев. Теперь люди тоже стали такими, ну, почти такими.

Альвийская кровь, если она когда-то текла в жилах нашей семьи, давно затерялась среди крепкой купеческой породы. Поговаривали, будто прадед по отцовской линии сумел жениться на представительнице обедневшего дворянского рода. Она-то точно восходила к альвам. Прабабка, которая в качестве приданого принесла личное дворянство, гордилась пепельными волосами, но ее дети родились уже темными. Вот и у меня легкие каштановые кудри. Зато цвет глаз, как у прабабки — зеленый, кошачий. Отец шутил: если бы родилась рыжеволосой, отдал бы в обучение ведьме.

Разумеется, я и в мыслях не держала, что стану чьей-то служанкой, ведь родилась я в преуспевающей семье представителей второго сословия. Отец держал лавки в разных городах, торговля спорилась. К своим семнадцати годам я стала завидной невестой. Ко мне даже один дворянин сватался, симпатичный молодой человек. Может, и согласилась бы выйти за него: сердце все равно было не занято, а он казался таким милым.

Жили мы не в столице, а во втором по величине городе княжества — Тулоне. Имели собственный дом с прислугой: кухаркой, горничной и приходящей работницей. Раз в месяц она устраивала генеральную уборку:

вытряхивала ковры, мыла полы, обтирала рамы и светильники.

Как обычно протекали мои дни? Буднично, монотонно.

Первая половина дня отведена занятиям — я заканчивала второй уровень местной сословной школы. Выйди замуж за того дворянина, лицом в грязь не ударила бы. Сейчас, оглядываясь в прошлое, прихожу к выводу: Иахим все-таки меня любил. Семья его не бедствовала, в моих деньгах не нуждалась. Помню, как впервые посмотрела на меня его мать, отвела Иахима в сторону и о чем-то долго с ним шепталась. Потом улыбнулась. Не знаю, искренне или нет: дворян с детства приучают к этикету, а он не приветствует проявления настоящих чувств.

Комфортно ли мне жилось бы в доме Иахима? Чего теперь гадать! Конечно, дворянский образ жизни отличался от купеческого. Серебряная посуда и огромный стол в столовой только чего стоят! Помню, всегда мучилась, стараясь держать спину прямо, боялась откинуться на спинку стула. Иахим посмеивался и заверял: совсем необязательно глотать жердь.

У жениха — мысленно называла его так, хотя помолвка не состоялась — не было титула, одно дворянское достоинство с приставкой ллор перед фамилией. Иахим ллор Касана. А я стала бы Иалей ллор Касана.

Итак, с утра школа. Там я пыталась совладать со столбиками цифр, уследить за мыслью господина учителя и не ударить лицом в грязь у доски, перечисляя отличия крапивы двудомной от крапивы жгучей. Девушка должна разбираться в травах, поэтому для нас проводила специальные уроки местная ведьма. Она старалась казаться такой важной, суровой, хотя от природы была жуткая хохотушка и обожала пить чай с миндальным печеньем в компании учителя математики. Мальчишки шептались, у них роман.

Училась я средне, особыми знаниями не блистала, хотя и не плелась в конце класса, и искренне радовалась, что положение отца не позволяло претендовать на третий уровень обучения. Он только для детей дворян, чиновников и священнослужителей, представителей

второго сословия к ним не допускали. Чтобы перейти на третий уровень, требовалось сдать специальные экзамены.

Разумеется, благородные ллоры не учились вместе с нами. Если и попадал кто в сословную школу, то исключительно от безденежья. К услугам дворян были пансионы, в которых преподавали лучшие учителя княжества. Вносишь залог, подтверждаешь происхождение — и ребенок зачислен на первый уровень. Если он учится хорошо, в дальнейшем плата взималась только при переходе на новый уровень. Если нет или чадо нарушало школьные правила, приходилось раскошелиться. Подобных пансионов было всего четыре на княжество. Дети родовитых ллоров обучались на дому по индивидуальной программе. Нередко приглашали учителей и к менее знатным дворянам. К примеру, Иахим получил домашнее образование, пройдя лишь курс военных наук при пансионе.

После обеда, когда заканчивались занятия, возвращалась домой и либо помогала матери, либо уходила к отцу в лавку. Он ставил меня за прилавок, чтобы цветущей молодостью привлекала покупателей и заодно совершенствовалась в нелюбимой математике. Отец считал, что я должна знать, как делаются дела. После его смерти торговля отойдет мне, а хозяйка обязана разбираться во всех мелочах. Я старалась. Мило улыбалась постоянным клиентам, болтала с ними о погоде, очередной прихоти бургомистра, просвещала, какой цвет моден в этом сезоне: мы торговали тканями. После передавала заказы приказчику. Он исправлял неточности в записях и производил окончательный расчет.

Вечер традиционно проводили в кругу семьи. Иногда ходили на представления, которые давали под открытым небом бродячие артисты.

Иахим время от времени приносил приглашения на музыкальные вечера в доме бургомистра, куда допускались только благородные. Одетая в лучшее платье, я чинно сидела между ним и его матерью. К сожалению, музыка не находила отклик в душе, хотя звучание некоторых инструментов мне нравилось. Почему же тогда

с радостью принимала приглашения будущего жениха? Да потому, что хотела взглянуть, как живет первое словие, и — стыдно, но что поделаешь — на таких вечерах подавали ягодное мороженое.

Размеренная жизнь закончилась одним ясным морозным зимним днем, когда, толкнув тяжелую дверь, я вошла в гудящий, словно пчелиный улей, класс. Учитель был бледен и не пытался призвать учеников к порядку. Дождавшись, когда соберутся все, он прокашлялся и с прискорбным видом сообщил: началась война. На Кевар напало могущественное королевство Арарг. Меньше чем за сутки оно сломило сопротивление соседнего княжества, целиком вырезав всю армию, а теперь пришла наша очередь.

Учеников распустили по домам, посоветовав немедленно покинуть страну или, если нет такой возможности, забаррикадироваться в подвалах. Мы вышли толпой, растерянные, еще не в полной мере осознав весь ужас случившегося. Мальчишки строили планы организации партизанских отрядов и победоносного контрнаступления. Они верили: кеварийцы сметут с лица земли армию Арарга.

Прошло всего полчаса, и улицы оказались запружены народом. Я с трудом лавировала между повозками, наблюдая за тем, как люди в спешном порядке грузят скарб на подводы.

Вереница телег и экипажей выстроилась в длинную очередь, перекрыв выезды из города.

Лавки закрылись. Дома пугали запертыми ставнями. В воздухе разлилась паника.

Мы тоже планировали уехать, отец приказал собирать вещи. Не успели.

Они появились внезапно — знаменитые смертоносные Наездники Арарга. Будто черная туча заволочла небо, лавиной обрушившись на головы мирных жителей. Драконы извергали пламя — и то там, то здесь занимались дома.

Истошно кричали женщины, плакали дети, мужчины в спешном порядке брались за оружие. Но что у нас было? Мечи? Арбалеты? Наездники же вооружены парой острых трехгранных мечей, кинжалами для ближ-

него боя и узкими железными трубами, крепившимися к треугольным деревянным древкам. Позднее я узнала, что они называются ружьями.

Маленькие ядрышки, которыми стреляли Наездники, поражали цель с гораздо большего расстояния, нежели арбалеты. Араргские маги создали ружья, в которых пули рождались чуть ли не из воздуха. В специальный отсек засыпались мелкие шарики металла и расходовались по мере необходимости. Подобных запасов хватало на час упорного боя.

Несколько человек упали, пораженные пулями.

Стражники ответили дождем болтов, метя в самое уязвимое место драконов — живот и сочленение головы с шеей. Одного удалось подстрелить. Он упал неподалеку от городских ворот, придавив тушей в спешке брошенные подводы. Наездник мгновенно высвободил ноги из стремян и отбросил в сторону ружье: оно не приспособлено для пешего боя. Умело орудуя тонким мечом и кинжалом, он отбил несколько болтов, сделал выпад, пытаясь пробить строй окруживших его защитников города. Высокий, коренастый, с собранными в высокий хвост двухцветными — одновременно русыми и каштановыми — волосами, он разительно не походил на кеварийцев.

Чем все закончилось, не видела. Отец сумел утихомирить взбесившуюся лошадь, выпряг ее и, схватив нас с мамой в охапку, верхами понесся обратно к дому. Тот еще стоял, а вот соседняя улица пылала.

Несколько драконов промчались над головой, пришлось в ужасе пригнуться и молиться, чтобы нас не тронули.

Люди падали, косимые дождем с небес. Теперь я понимала, каким образом араргцы сумели так быстро завоевать Этайрон. До этого я лишь мельком слышала о королевстве Арарг — то небольшое, что читали по курсу краткой истории народов. Мальчикам, безусловно, рассказывали больше, чем девочкам. У них в программе стояли дополнительные занятия по военной истории и военному делу, нам же достались травология и домоводство. Но теперь вот познакомилась со страницами учебника воочию.

Арарг, притаившийся на островах Восточного архипелага, издавле наводил страх на соседей. С разной периодичностью он поглощал новые государства. Иногда затишье длилось двести лет, иногда десять — никто так и не научился предугадывать, когда королевство нанесет удар, и главное, где. В последние десятилетия набеги стали хаотичными, Наездники, пользуясь достижениями магии, появлялись там, где их никто не ждал.

Велев спрятаться в подвале, отец, игнорируя мольбы матери, отчаянно цеплявшейся за полы куртки, достал из тайника припасенный на случай опасности фальшион¹. Наспех поцеловав нас, растерянных, трясущихся от страха, папа захлопнул за собой входную дверь. Что с ним стало, не знаю. Может, убили, может, сбежал или попал в плен.

Мать пребывала не в том состоянии, чтобы рассуждать здраво, поэтому заботу о нашем спасении я взяла на себя: заперлась и задвинула тяжелый засов.

Мы забрались в самый дальний угол подвала, за мешки с картофелем, и, тесно прижавшись к другу, дрожа в кромешной тьме, молились, чтобы беда прошла стороной. Сквозь толстые стены долетал едва различимый гул. Может, это огонь гулял по стропилам дома.

Не знаю, сколько мы так просидели, наступила ли ночь, когда нас, задремавших, разбудил луч непривычно холодного света, метавшегося по полу подвала. С нарастающим ужасом следили за тем, как он приближается, тщательно обшаривая подвал, вслушивались в тяжелые шаги араргцев — сомнений не осталось, это они. И вот яркий свет ослепил нас — два комочка человеческих тел в углу.

Закрыла глаза, не желая видеть, как они нанесут удар.

Мгновенье, другое. Острый стилет так и не вонзился в горло. Осмелев, открыла глаза и увидела трех облаченных в матовые облеченные доспехи мужчин. Один из них держал в руке шарик, излучавший тот самый голубовато-белый свет.

¹ Фальшион — клинковое оружие с расширяющимся к концу коротким клинком с односторонней заточкой.

— Двое, — констатировал он, будто дожидался, пока я взгляну на него. — Женщина средних лет и молоденькая. Покажите сначала девушку.

Крайний справа солдат двинулся ко мне, грубо вырвал из объятий матери. Вцепилась ногтями в его руки, но не смогла разорвать толстой кожи перчаток.

Меня толкнули в полосу света перед человеком с шаром. Один солдат заломил руки за спину, пресекая попытки вырваться, другой не давал матери сдвинуться с места. Ему не нравились ее крики, и он заткнул ей рот кляпом.

— На вид недурна. Девушка не старше двадцати, без видимых физических недостатков. Глаза красивые.

Араргец подошел вплотную и, прежде чем я сообразила, что он делает, стащил с меня полушубок и потянул за шнуровку платья.

Стоять в одной нижней рубашке перед тремя незнакомыми мужчинами было унижительно, да и холодно: температура в подвале ненамного отличалась от температуры на улице. Стуча зубами, покорно наблюдала за тем, как араргец внимательно осматривает и ощупывает фигуру, хорошо, что через ткань. Наконец он вынес вердикт:

— Подходит для торхи. Решение предварительное, ее должен осмотреть врач и кто-нибудь из продавцов. Да и характера мы не знаем, запишу пока как хыру. Можете забирать. Одевайся, — сухо бросил араргец.

Оставив лихорадочно натягивать платье под прищелком солдата, он подошел к матери. Ограничившись беглым осмотром, даже не раздев, араргец записал ее в хыры.

Когда нас поволокли к лестнице, наконец-то поняла, что происходит. Меня собирались сделать рабыней или продать в бордель. Ни то, ни другое не устраивало, и я изо всех сил ударила конвоира коленом в пах. Араргец согнулся пополам, частя меня такими словами, что и повторять не хочется. «Кеварийская шлюха», пожалуй, самое приличное.

Мать выплонула кляп и истошно закричала:

— Иалей, спасайся! Беги к храму, под защитой бога они тебя не тронут!

Несчастливая наивная мама! Арагцы не испытывали страха перед чужими богами, как я потом убедилась, они прекрасно пили и ели в храмах, с интересом рассматривая мозаичные панно.

Невероятным усилием увернувшись от третьего арагца, в последний раз обернулась. Мелькнуло испуганное заплаканное лицо матери в мертвенном свете шара, свободно парившего над полом. Она пыталась задержать преследователей, но что могла женщина против троих здоровых вооруженных мужчин? Они легко сбили ее с ног, несколько раз ударили, и мама затихла. Не хотелось думать о том, что она умерла, хотя пусть бы так. Все лучше рабства.

Так быстро я не бегала никогда в жизни, никогда так стремительно не взбиралась по ступенькам, отбиваясь ногами от тянувшихся ко мне рук.

Пожар практически не затронул дом. Выгорела кровля и часть второго этажа, но перекрытия не обвалились. Жилище оказалось разграблено, отдано на поругание солдатам. С одним из них столкнулась на пороге. Свобода длилась ровно две минуты.

Клочок голубого неба над головой — и обветренное лицо вояки с утыканной шипами боевой косой. Сразу было видно — он не из Наездников, простой пехотинец.

— Ваша? — легко удерживая на весу, солдат продемонстрировал добычу подбежавшей тройце из подвала.

Не говоря ни слова, арагец, осматривавший нас с матерью, влепил мне пощечину, вытащил из поясной сумки веревку и с помощью второго солдата связал. Но серьезно расцарапать лицо пехотинцу успела. Хорошо, ему, а не офицеру интендантской службы, а то бы закопали на первом перекрестке. В Арарге с этим строго: если хыр поднимет руку на аверда, его казнят. Тронешь норна — все то же самое, но гораздо мучительнее. Разумеется, если норн не смилостивится и не убьет сам.

Меня забросили на плечо, как отрез ткани. Руки и ноги крепко связаны, во рту кляп. Весело насвистывая, солдат понес добычу в сторону школы, а офицер с подчиненными продолжили подомовой обход.

Снаружи все пылало. Под ногами хрустел пепел, в воздухе стоял запах гари. Закашлялась — тяжело

стало дышать. На развалинах домов сидели драконы, зорко следя, чтобы никто не ушел от карающего меча Арарга. То здесь, то там валялись тела. При виде них к горлу подступал рвотный спазм. Мужчины, женщины, изредка дети. Обгоревшие, прошитые пулями, изрубленные холодным оружием. Они сопротивлялись и встретили смерть на улицах родного города, посреди почерневшего снега.

В бывших классах организовали сборный пункт пленных. Приглядевшись, удивилась: здесь были только женщины и дети. Очень много молоденьких девушек. Связаны оказались далеко не все, некоторые, сжавшись в комочек, тихо скулили в сторонке. Никого старше сорока, в основном мои погодки. Дети — подростки, почти одни мальчики. Ни одной девочки моложе пятнадцати не заметила, что наводило на определенные мысли. Они брали тех, кто вступил в детородный возраст или у кого он наступит максимум через год. Нас, несчастных от пятнадцати до двадцати, держали отдельно под усиленной охраной — как особо ценный товар.

С улицы доносился невнятный гул, слышался задорный посвист Наездников, крики, обрывавшиеся на высокой ноте, ругательства, шипение и треск, но выглянуть наружу и посмотреть, что там творится, мы не могли.

Прибывали все новые и новые партии пленных. Их сортировали и разводили по бывшим классам.

Меня развязали, но обрадовалась я рано: ноги стянули кожаным шнуром, будто лошади. Гневно сверкнула глазами, но промолчала. Уставилась в пол и просидела так до вечера. Думала о матери, об отце. Собственная судьба меньше всего волновала.

Когда окончательно стемнело, нас покормили и велели ложиться спать. Разбудили на рассвете, построили в шеренги и начали заносить в списки. На каждого заполнялся опросный лист с указанием имени, происхождения, пола, возраста, перенесенных болезней, внешности и особых примет. Потом присваивался номер, соответствующий номеру листа. Он выводился смесью угля и хны на лопатках, так, чтобы не смыло дождем и пленницы не могли сами стереть. Разумеется, мы пытались избавиться